

«АВТОБУС»

Новый спектакль академического
театра имени Ф. Г. Волкова

ЗОНЫ ТЕАТРАЛЬНОГО пространства, в которых устанавливаются взаимоотношения актеров и публики, и последнее время стали чрезвычайно подвижными, приобрели свойство столь же стремительно расширяться, сколь и сжиматься. Так, Г. Товстоногов ставит на берегах Невы, у Петропавловской крепости, массовый театрализованный праздник «Алые паруса» и одновременно создает в БДТ малую сцену, открывая ее «Бедной Лизой» Карамзина. Малые сцены появляются в ЦТСА, театре имени Моссовета, в Ленинградском и Куйбышевском театрах. Получило, помимо малых сцен, утверждение «театры в фойе».

Интенсивная динамика сценических устремлений сказалась и на поисках Ярославских режиссеров. С одной стороны, это — творческое развитие заочных традиций эпического, «площадного» театра. Вспомним монументальные постановки народного артиста СССР Ф. Шинигина «Федор Волков», «Панфиловцы», «Царь Юрий». Сюда в определенном смысле относится и спектакль «Третья, патетическая» — дебютная работа на старейшей сцене страны нынешнего главного режиссера театра, народного артиста РСФСР Г. Дроздова.

Отдав дань традиции, Г. Дроздов (в содружестве с режиссером А. Созонтовым) в то же время решил углубить и расширить силу эмоционального общения со зрителем в новой форме «театра в фойе». В качестве драматургического средства сближения сцены и зала была выбрана пьеса современного болгарского драматурга Станислава Стратиева «Автобус».

Уже сейчас, оценивая первые шаги Ярославского «театра в фойе», можно уверенно сказать, что зритель на эксперимент откликнулся активно, заинтересованно.

Положительная реакция вызвана, как нам представляется, целым рядом факторов, в том числе и психологических. В самом деле, человек, приобретая билет на спектакль, идущий в фойе (с резко ограниченным числом мест), невольно ощущает себя участником особого ритуала. Он не просто зритель, а почетный гость. С ним собираются говорить доверительно. Одно это уже высоко ценится.

Интерес к происходящему подчеркивается и психологическим фактором другого плана: «комнатный театр» рождает эффект «индивидуального общения» с происходившим. Публика входит в «салон» (художник Ю. Суракевич) через открытые двери автобуса, которые по ходу спектакля будут, как в жизни, то открываться, то

закрываться. Через эти же двери один за другим входят антеры, рассаживаются на свои места, автобус «трогается» и... Начинает раскрываться удивительная «пружина» сатирической комедии, как обозначил жанр пьесы драматург.

Однако комедия ли это в чистом виде? Думающий зритель, «сирокоцированный» (в хорошем смысле слова) активным житейским общением — поводом для возникновения ассоциаций, сопоставлений об аналогичных событиях из личной жизни, постепенно приходит к осознанию того, что перед ним не просто забавный случай из жизни. Происходящее в автобусе оказывается совсем не смешным, а скорее печальным и серьезным. Театр как бы призывает нас осуществить «переход» с поверхностного, сюжетного (комедийного) слоя произведения к более глубокому, смысловому. При таком восприятии пьесы обобщается трагикомедия, художественным образом человеческой жизни, в которой, как отмечал К. Маркс, люди являются и режиссерами, и актерами своей собственной драмы.

«Двухслойность» пьесы Стратиева, сочетание в ней бытового, обидного и философского, — сценическое проявление в том, что в легко узнаваемые житейские ситуации (шутки, розыгрыши, споры и даже драки), разворачивающиеся в пути с пассажирами рейсового автобуса, вовлечены не столько конкретные индивиды, сколько «типичные представители», носители определенных социальных качеств. Не случайно автор называет своих персонажей в зависимости от выполняемых ими социальных ролей: «Неразумный» (артисты С. Кудченко и М. Левченко), «Безответственный» (А. Шумилов), «Виртуоз» (В. Дмитриев и А. Пешков), «Влюбленная» (И. Ахматенко и С. Спиридонова), «Муж» (В. Шибанков), «Жена» (Л. Зотова).

Поглощенные эгоистическими заботами, легко «взрываюсь» и конфликтую по пустякам, бездумно доверяясь демагогии «разумных», они сами превратились в «мешки, набитые словами», потеряли свое человеческое «я». Привыкнув к удобной роли «пассажиров», прочно заняв свое «сиденье», они и по жизни хотят проехать за счет других. Их жизненный принцип: «За все отвечает тот, кто везет!» Поэтому-то возникает и усиливается по ходу действия назкая тема общения пассажиров с водителем.

До поры до времени отношение путешественников к тому, что происходит вне автобусного салона, ограничивается констатациями типа:

«В ту или не в ту сторону едем?», «А может быть, едем по гипотенузе?», «Интересный маршрут!», «Петляем...» И лишь позднее, случайно отвлеченный от внутрисалонных драг, они обнаруживают, что автобус катится по краю пропасти. Только в этот момент, движимые в немалой степени инстинктом самосохранения, они начинают (каждый по-своему) понимать необходимость совершить выбор, взять на себя ответственность. Но от осознания необходимости до реальных действий — большая дистанция. Именно здесь, в критической ситуации, каждый персонаж максимально раскрывает свою сущность. «Разумный» (в точном, экономном исполнении В. Асташина) будет продолжать упилять бдительность людей гипнотической демагогией. «Влюбленный» (В. Воронин и В. Романов) предаст близкого человека и при этом будет активно искать самооправдания. И лишь тогда, когда пройдут к «роковой» черте — послыжат не только на думу, но и на жизнь человека, они остановят свое страшное саморазоблачение. Вместе с ними остановится и «автобус»... Заговорят еще не умершая совесть. Ее своеобразным олицетворением будет тот же неяркий водитель. «Влюбленный» вдруг спросит в наступившей тишине: «Смотрит на нас... А почему он смотрит?» Ему ответит «Крестьянин» (В. Аршинов и И. Колесников): «Да потому что вы хотели уколоть человека!» Вот почему!...

В финале раздвигается перегородка, имитирующая водительскую кабину, «размыкается» пространство фойе — автобуса. Тихо, молча, под волшебные звуки виолончели уходит действующие лица. Они направляются на самый строгий, самый «святой» суд — суд собственной совести. С этих же высоких нравственных позиций спектакль призывает и зрителя совершить нравственную самооценку.

Взяв для постановки на малой сцене пьесу «Автобус» (которой просто противопоказана жизнь на большой сценической площадке), театр отправился по нелегкому пути эксперимента. На одном его «полюсе» высокое искусство, максимальная творческая отдача всех участников спектакля (пусть не до конца еще преодолевших особенность существования на большой сцене), а на другом — правдивое отражение действительности, воссоздание противоречивой и небезболезненной жизни «человеческого духа» с помощью яркой метафоры.

Спектакль «Автобус» хочется назвать своеобразной «паузой» в стремительном беге ежедневного бытия, предназначенной для углубленного познания жизни, ее конфликтов и нравственных проблем. В этом — несомненная современность новой работы волковцев.

В. ТОМАШОВ,
доцент Ярославского государственного университета, кандидат философских наук.

19 ИЮН 1984

СЕВЕРНЫЙ РАБОЧНИК
г. Ярославль